

Атакулова М.А.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЩИХ СВОЙСТВАХ И ЭГОЦЕНТРИЗМЕ ПРОНОМИНАТИВОВ В ЯЗЫКЕ

УДК: 809.43

В европейском языкознании утвердилось понятие прономинатива. Это понятие имеет обобщенное содержание и, как было показано выше, включает в себя обширный и неоднородный класс языковых единиц. Термин прономинатив используется как обобщающее наименование местоименных корней, аффиксов, слов, фразеологизированных и других синтагматических образований. Говоря о прономинативах, мы подразумеваем под ними совершенно разнотипные, разнообъемные и разнородные единицы языка с эгоцентрической семантикой.

В данном случае речь не идет о местоимении как части речи. Частеречный характер местоименных слов в тюркологии никогда не вызывал сомнения, потому что они всегда определяются как часть речи по «школьному» стандарту. Местоимения в ней причисляются к именным частям речи. Такова традиция, восходящая к нормативным грамматикам русского языка и перенятая тюркологией.

В лингвистической литературе отмечается обособленность местоименных слов языка в противоположность всем неместоименным. Неместоименные слова называются **номинативными или качественными**, а местоименные – **дейктическими или указательными**. Такое деление слов на два больших класса восходит к исследованиям представителей немецкой классической лингвистики (Г.Штейнталь, К.Бругман, К.Бюлер и др.) и встречается в трудах лингвистов, представляющих другие течения в языкознании (А.И.Зарецкий, Е.Н.Сидоренко, М.Шелякин и др.).

В ряде случаев местоимения называются **означающими словами** в противовес именуемым и другим словам. Например, Н.Ю.Шведова различает в русском языке четыре класса слов: 1) слова означающие (местоимения); 2) слова именуемые (имена, глаголы, наречия и предикативы); 3) слова связующие (предлоги, союзы) и 4) слова собственно квалифицирующие (частицы, модальные слова, междометия). Такая позиция исследования основана на функциональном принципе. «Формально, - пишет она, - местоимения распределены между именами, наречиями и предикативами». В позиции Шведовой многое не ясно. Есть противоречия.

Истари известно, что означающее свойственно всем лексемам. В каждом знаменательном и даже незнаменательном слове означающее – смысл, значение, соотносительность с предметами и

явлениями реального мира. Любое слово представляет единство означаемого и означающего. Не только местоимения суть означающие слова. Каждое субстантивное слово что-то обозначает, соотносится с предметным миром, с его элементами, «фрагментами», частями и проявлениями. Нам представляется, что местоимения тоже выполняют **связующую** функцию (не только союзы и предлоги). Это общеизвестный факт, если только Шведова не вкладывает в понятие связующей функции несколько иной смысл.

Класс местоименных слов имеет **некоторые особенности**, чем и он отличается от других классов и разрядов слов в языке. Об этом говорилось и выше. Ниже дополнительно назовем некоторые отличительные свойства местоименных слов.

Местоименные слова не обладают свойством называть предметы и явления действительности. Они не могут ничего именовать и давать названия вещам, живым существам, свойствам, действиям в окружающем мире.

Прономинативы не ассоциируются в мышлении человека с конкретными элементами, фрагментами и сторонами действительности, поэтому они не вызывают в нашем сознании представлений о реальных предметах и явлениях мира.

Содержание местоименных слов абстрактно-обобщительное, точнее – обобщительно-классифицирующее. Местоимения имплицитно делят объекты на обобщенные классы. Когда мы употребляем слово *я*, мы выделяем и обособляем себя как говорящего, противопоставляя всем другим людям как классу «не-я». В вопросе *Эми мне क्या?* – **Что же теперь делать?** мысленно выделяется предвидимый круг проблем, задач, целей, действий, подлежащих решению и реализации, и содержится просьба к собеседнику уточнить этот круг, выделить в нем главное и предложить пути их решения. В афоризме *Буткул өлкөлөрдүн пролетарлары, бириккиле! – Пролетарии всех стран, соединитесь!* выделенное местоимение имеет обобщительный смысл, целиком охватывая страны мира и координируя свое значение со значением корневой морфемы императива (*бир-, -един-*).

Всем прономинативам языка свойствен **эгоцентризм**, так как каждый из них так или иначе выражает видение и миропонимание субъекта речевого произведения, обычно называемого говорящим, пишущим или первым лицом.

Дихотомия «Я - не-я» имеет не только лингвистический смысл. Она возникла и сформулирована в философии. У истоков разработки этой дихотомии стоят прежде всего представители английского эмпиризма (Ф.Бэкон), рационализма (Р.Декарт), субъективного (И.Г.Фихте, Ф.Шеллинг и др.) и абсолютного (Г.В.Гегель) идеализма. В их трудах положено начало раскола всей действительности на «я» и «не-я». «Я» есть носитель познавательного и волевого действия, «не-я» - это то, на что направлено это действие. «Я» есть субъект, мыслящий, чувствующий и познающий мир, диктующий свою волю всему «не-я», т.е. объекту и объективному миру. Познавательное начало в отношениях «Я - не-я» свойственно миропониманию Р.Декарта, а волевое начало – точке зрения И.Г.Фихте. Стремясь найти общее основание для духовного мира «я» и окружающего человека внешнего мира, Фихте ставит перед собой задачу вывести из «я» существование и все определения «не-я».

Принцип эгоцентризма в лингвистике восходит к общезыковедческим взглядам В.Гумбольдта. Он, в частности, писал: «Мне кажется, что в одной из более ранних работ я сумел показать, что местоимения должны быть первичными в любом языке и что представление о том, что местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего «я».

Местоименные слова первичны по отношению к другим классам слов. Они изначально передают постоянную непосредственную связь и соприкосновение говорящего с природой, с окружающим миром, противопоставляя производителя речи – мысли этой природе. Древний человек своим «я» противопоставляет себя участнику общения и, в свою очередь, вероятно, противопоставляет участников неучастникам общения и неживым предметам вообще. «Я», таким образом, обобщая лицо говорящего и выступая в качестве его выразителя, передает внешнюю связь производителя речи с пространством и его внутреннюю связь с восприятием окружающего мира.

Эгоцентризм местоимений особо подчеркивал А.М.Пешковский в своей монографии «Русский синтаксис в научном освещении». По его мысли, в языке важную роль играют субъективно-объективные категории, которые выражают различные **отношения говорящего и**

мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит. К такого рода категориям он относит категории времени, наклонения, лица, вопроса, восклицания, сообщения, отрицания, утверждения, усиления, вводности. Местоименные слова являются одним из основных средств выражения категорий отношения говорящего к предмету речи-мысли. Однако в сравнении с другими грамматическими средствами языка местоименный способ передачи смыслово-грамматической информации характеризуется ярким своеобразием.

Дальнейшее развитие идеи эгоцентризма привело к определению говорящего не только в качестве субъекта мысли-речи, но и в качестве субъекта созерцания, восприятия, представления и оценки предметов, явлений и свойств окружающего мира в координатах «Я - не-я», «близкое-далекое», «определенное-неопределенное», «известное-неизвестное» и т.д., составляющих содержание понятия пространства-времени в его сознании. В этом отношении заслуживают внимания мысли философа Б.Рассела, который писал в своей книге «Человеческое познание. Его сфера и границы»: «Я называю «эгоцентрическими словами» те слова, значение которых изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве. Четырьмя основными словами этого рода являются «я», «это», «здесь» и «теперь». Слово «теперь» каждый раз, когда я употребляю, обозначает какой-либо отдельный момент из серии следующих друг за другом моментов времени; слово «здесь» обозначает какую-либо отдельную область пространства, в которой «я» обозначает любое лицо, в зависимости от того, кто его произносит». Как видим, Б.Рассел рассматривает эгоцентризм в отношении производителя речевых сообщений к координатам пространства и времени в отдельности. Однако исследователь не отрицает возможности определения позиции говорящего относительно пространства-времени в синхронности и целостности, что явно выражается в тех случаях, когда речевая ситуация требует одновременного учета обеих форм бытия и существования.

Говоря о смысле прономинатива *кто*, Шведова пишет о явлении «человекоцентризма». Она пишет, что «человекоцентризм» в языке и в условиях речевого общения проявляется не только в том, что для смысла *кто* языком создана самая полная и точная система местоимений, заполняющих сегмент определенности, но также и в том, что этот смысл активно проникает в другие смысловые сферы, демонстрируя способность означать не только живое существо (одушевленное или одушевляемое), но и многие другие первичные смыслы либо их

контаминации». В данном утверждении справедливо отмечается значимость и значительность в языке того круга местоименных слов, которые созданы для смысла *кто* и которые относят означаемое к определенному лицу, отражая понятийную триаду «лицо, восприни-мающее все вокруг – лицо, ему непосредственно противостоящее – любое лицо, им обоим противостоящее и ими воспринимаемое». Ср.:

	<i>я, мы</i>	
<i>кто</i>	<i>ты, вы</i>	<i>сам, сама, само, сами, себя</i>
	<i>он, она, оно, они</i>	

Шведова не совсем права в том, что она признает «человекоцентризм» в качестве семантической основы грамматических парадигм, включающих в себя морфемы и лексемы лица. Мы же считаем, что **эгоцентризм есть общее свойство лично-пронаминальных единиц и категорий языка**. Последние входят в «человекоцентризм» не прямо, а через эгоцентризм, поскольку они обозначают реальные предметы с позиции говорящего. Даже смыслы слова *кто* и его производных *кто-то, некто, кто-либо, кое-кто* и др., их определенность (*Я знаю, кто ты такой*) и неопределенность (*Кто стучит? Кто-то идет* и т.д.) отражают знания, опыт, видение того, кто производит речь.

На каком же основании эгоцентризм может быть понят как **инвариантное значение** пронаминальных единиц языка?

Эгоцентризм есть идеальное понятие, идеальный объект. Идеальные объекты невозможно созерцать. Нельзя «видеть время и обонять пространство» (Ф.Энгельс). **Эгоцентризм отражает то общее, что существует в каждом местоимении, в каждой его группе, разряде или единице. Эгоцентризм есть общее, существующее и проявляемое в каждой местоименной морфеме, в каждом слове или фразеологизме.**

Эгоцентризм как смыслово-языковое понятие реально существует в виде класса своих вариантов подобно тому, как «человек вообще» существует в виде каждого отдельного человека. Это понятие нужно для описания и классификации многообразия пронаминальных единиц языка как их общее, обобщающее наименование.

В качестве конструкта, который воплощает в себе инвариантные свойства всех подклассов местоименных слов и морфем, понятие эгоцентризма не может быть продемонс-трировано с помощью отдельных примеров. Потому что каждый пример двусторонен: он несет в себе и инвариантные свойства, и особенные черты. Одной своей стороной каждый пронаминатив входит в понятие эгоцентризма, а другой своей стороной и в пределах инвариантного смысла он

выступает в качестве отдельной единицы со своим индивидуальным смыслом, предназначением и местом в языке.

Понятие эгоцентризма не может быть раскрыто, показано или понято вне отдельных единиц, в совокупности образующих поле местоименности. Поэтому важно, чтобы каждая отдельная единица в рамках своего инвариантного содержания выступала как его вариант. Однако часто **варианту приписываются свойства его инварианта**.

Известно, что местоимения *кто* и *что* обладают обобщающим смыслом. На этом основании их значение нередко универсализуется и определяется как общее по отношению к семантике субстантивных лексем. То же самое можно говорить о киргизских местоимениях *ким* и *эме*. Эти местоимения противопоставлены друг другу лексически-семантически: в русском языке их денотаты отличаются друг от друга по признаку одушевленности/неодушевленности, а в киргизском – по признаку разделения денотатов на людей и не-людей.

Разделение денотатов на людей и не-людей свойственно не только киргизскому, но и другим тюркским языкам. В связи с предметным содержанием местоимений *кто* и *что* в языке интересные соображения высказывает А.С.Чикобава: «Категория предметности является категорией не морфологической, не лексической, а семантической.

Наличие этой категории становится осязаемым, когда в языках обнаруживаются неожиданные расхождения. Так, например, вопросами *кто?*, *что?* исчерпывается круг понятий, характеризующих предметностью.

Однако сфера *кого?* и *чего?* в разных языках может не совпадать. Так, например, в грузинском языке (так же как и в абхазском, адыгейском, чеченском, аварском, лакском, даргинском, лезгинском, вообще во всех иберийско-кавказских языках) вопрос *кто?* может относиться только к человеку. Все остальное, в частности мир животных, включается в категорию *что?*... Животные относятся к грамматическому классу вещей». В данном высказывании ученого подчеркивается роль вопросов *кто?* и *что?* в дифференциации денотатов, в их противопоставлении по признаку «люди-нелюди» и отмечается их распространенность. Возможно, по этой причине вопросная методика широко распространена в школьном преподавании языка. В школе эти два местоимения используются в качестве заместителей и эквивалентов всех имен существительных в различных сферах их употребления.

И в теории некоторые исследователи языка особо отмечают значимость этих лексем в системе языка. Как пишет Н.Ю.Шведова,

«местоимение *кто* занимает главное место в строе местоименных исходных. Это объясняется тем, что оно означает не просто одно из глобальных понятий бытия, но существо одушевленное и прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир и установившиеся в нем связи, отношения и зависимости». В данном утверждении есть два момента, вызывающих возражение. Во-первых, в нем говорится, что местоимение *кто* «означает... одно из глобальных понятий бытия». Мы сомневаемся в том, что это слово выражает понятие, если учесть, что понятием называют форму мышления, отражающую наиболее общие, необходимые и существенные свойства предметов и явлений действительности. Понятие есть множество таких свойств, сформулированных в мышлении. Слово *кто* не имеет понятийного содержания и его не выражает. В слове *кто* явно выражено видение производителя речи - известность-неизвестность ему денотата, с которым он соотносит данное местоимение. Во-вторых, в данном утверждении, правда, на втором плане содержится скрытое признание «яйности» местоимения *кто*, означающего «прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир». Но опять-таки не совсем понятно, о каком человеке идет речь – о человеке-денотате местоимения *кто* или о человеке «вопрошающем» о денотате местоимения.

Точно так же подчеркивается глобальность смысла местоимения *что* «как исхода, возглавляющего собственную дейктическую систему», которое «означает любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевленным... Спектр сущностей, означаемых местоимением *что*, весьма широк; это может быть все, что непосредственно воспринимается физически и осмысливается умственно либо духовно, - все, что оказывается в поле зрения человека, как существа воспринимающего, мыслящего и чувствующего: собственно предмет, вещь или совокупность предметов, понятие, состояние, свойство, чувство, мысль, сообщение, явление, событие, ситуация или целое «бытийное пространство», срез жизни, бытия, отрезок действительности». В данном определении сущности прономинатива *что* роль субъективно-эмоциональных личностно-мыслительных начал подчеркивается сильнее, чем в характеристике *кто*. Шведова вплотную подходит к тому пониманию местоименного смысла, которое представляет А.М.Пешковский.

Отнеся высказанное по поводу сущности прономинатива *кто* к данному утверждению Шведовой, отметим, что если глобальность смыслового содержания слов *кто* и *что* является свойством их исходности, то исходными в языке могли быть не эти прономинативы, а те, которые не ограничивают объекты по признакам «человек-нечеловек», «живое-неживое». А в языке существуют местоименные слова с макросмыслом, которые обобщают и включают в себя смыслы *кто* и *что*. Таких слов немало. Возьмем, к примеру, слово *все*. Его смысл покрывает все, что есть в реальности или мыслится как реальное. Ср., например: **Все познается в сравнении.** В этом афоризме под содержание выделенного слова подводятся все живое и неживое, человек и человечество, весь органический и неорганический мир, материальное и идеальное, движение и состояние, реальное и нереальное, конечное и бесконечное, единичное и всеобщее и т.д. Мы считаем, что потенциальный смысл всеохватности, содержащийся в данном местоимении, приобретает конкретное содержание и значение в соответствии с тем, с каким денотатом соотносит его производитель речи-мысли. Иными словами, значение данной лексемы динамичное и определяется относительно денотата. Всеохватность есть общее значение лексемы *все*, а не всех местоимений. Минимальное содержание лексемы соотносится с одним каким-нибудь случаем или предметом (*Возьми 5 рублей. Это все, что есть у меня*). Это говорит о том, что **смысл местоимения определяет производитель речи**, соотнося его с тем или иным предметом, с группой предметов или со всей действительностью. На этом основании считаем представление и позицию говорящего главными и решающими в употреблении и семантическом обеспечении местоименных слов.

Литература:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
2. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. - М.: Просвещение, 1976. - 207 с.
3. Грамматика русского языка: Фонетика и морфология. Том I. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 719 с.
4. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. - М.: Наука, 1969.-308 с.
5. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. - М.: Наука, 1988. - 151 с.
6. Шведова Н.Ю. Местоимения и смысл.- М., 1999.- 340 с.